

УДК 94(470)+908(470.326)
DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-119-130

СТРУКТУРА И ТИПОЛОГИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ГОРОДСКОЙ СЕМЬИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА (на материалах Тамбова)¹

© Дмитрий Валерьевич СТРЕКАЛОВ, Наталья Валерьевна СТРЕКАЛОВА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

E-mail: strekalovanv@mail.ru

Аннотация. Исследованы проблемы структуры и типологии семей жителей Тамбова в конце XVIII – первой половине XIX века. Проанализированы типы семейной организации жителей губернского центра (за основу взята общепринятая в современных историко-демографических исследованиях классификация), число поколений в семье, родственные связи, степень разветвленности семейной структуры (наличие боковых линий родства), семейное положение и возрастной состав членов семей жителей Тамбова. Для изучения семей обывателей провинциального губернского центра были использованы массовые персонифицированные источники, информация которых была внесена в электронные источник-ориентированные базы данных. Наряду с общим анализом городской семьи были изучены семьи горожан применительно к конкретным сословно-социальным группам, что отвечает подходам микроисторических исследований. Были выявлены заметные отличия в степени модернизации семейной структуры и брачно-семейных отношениях разных сословных групп, которые были обусловлены экономическими, социально-профессиональными и мировоззренческими особенностями их представителей. К середине XIX века преобладающей формой семейной организации населения губернского города становится малая семья. Однако процесс перехода был сложным. По-прежнему сохранялась значительная доля расширенных и больших составных семей, в которых к середине XIX века проживало более 40 % населения Тамбова.

Ключевые слова: город; семья; типология; городское население; Тамбов

Семья, являясь значимым социальным институтом и важнейшим объектом демографии, выполняет функции, связанные с рождением, содержанием и социализацией новых поколений.

Повышает актуальность исследований по истории семьи социально-демографический кризис, наблюдающийся в России в конце XX – начале XXI века. Результаты исследований основных исторических и демографических закономерностей развития семьи могут быть использованы для разработки современной демографической и семейной политики, принятия научно-обоснованных государственных решений в этой сфере.

Особое место в историко-демографических исследованиях занимают проблемы городской семьи в период модернизации аграрного общества.

В отечественной научной литературе семья определяется как «исторически обуслов-

ленное социальное объединение людей, основанное на браке или кровном родстве» [1, с. 3]. Но семья не отождествляется с браком, поскольку может включать не только супругов и их детей, но и других родственников [1]. По мнению Б.Н. Миронова, семья представляет собой «совокупность близких родственников, живших вместе и ведших одно хозяйство под управлением одного человека, который назывался хозяином» [2, с. 649].

Использование комплексного подхода в исследовании семьи повышает актуальность междисциплинарных (включая микродемографические) исследований. Семья отражает изменения, происходящие в любом обществе. Изменения типологии, формы и структуры семьи (прежде всего, переход от традиционной большой к малой нуклеарной семье) являются важными показателями уровня модернизации общества.

Историко-демографические проблемы семьи – одно из актуальных и активно развивающихся направлений мировой и отечественной исторической науки [3]. Ведутся исследования по истории семьи различных регионов и сословно-социальных групп насе-

¹ БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (ОГОН РФФИ), проект «Городская семья и процессы социальной модернизации провинциального российского города в конце XVIII – начале XX века: портрет на фоне эпохи (на материалах Тамбова)» № 17-11-68006 а(р).

ления Российской империи XVIII–XIX веков [1; 4–14].

Одной из проблем отечественной исторической демографии является вопрос типологии и классификации семей. По мнению исследователей, существенной проблемой комплекса историко-демографических работ по истории семьи является многочисленность и разрозненность типологий и классификаций семей. Кроме того, встречаются существенные расхождения в терминологии, вследствие чего возникает разница в подходах и дальнейших выводах [9; 12–15]. Все это затрудняет возможности сравнительного анализа и обобщения результатов исследований.

В научной литературе встречаются различные характеристики типов семейной организации: семьи, состоявшие из одного человека (одинокое), расширенные или сложные, полные и неполные, братские, сложно-отцовские и др. Сложная семья могла состоять из нескольких простых полных или неполных семей, а также включать родственников супругов по боковым линиям. Традиционно принято различать патриархальную и малую нуклеарную семью [1–18].

В современных отечественных и зарубежных исследованиях используется классификация, разработанная в 1970-е гг. группой ученых под руководством П. Ласлетта совместно с антропологом Ю. Хэммелом [16; 17].

Данная классификация была переработана с учетом специфики русского села и применена в работах американского исследователя С.Л. Хока о селе Петровском Тамбовской губернии, использована в ряде работ тамбовских и тульских исследователей, в российско-белорусском проекте по изучению семьи и др. [13; 18–20].

Б.Н. Миронов выделяет пять форм семейной организации (за основу им взята общепринятая в современных историко-демографических исследованиях классификация). К первому типу он относит семьи, которые состояли из одного человека. Второй тип объединял семьи, состоявшие из группы родственников или не родственников, которые не образовывали семьи, но вели общее хозяйство. В третий тип включены простые малые или нуклеарные семьи, в состав которых входили только муж и жена или супруги с неженатыми детьми. Четвертый тип представлен расширенными семьями, включав-

шими супружескую пару с детьми, а также родственников, не находившихся в брачных отношениях друг с другом. Пятый тип объединял семьи, состоявшие из двух или более супружеских пар. Большие отцовские или братские семьи могли включать несколько поколений одного предка (11 и более членов) [2, с. 650].

Для исследования семейной структуры жителей Тамбова в конце XVIII – первой половине XIX века были привлечены первичные материалы ревизий (за 1795, 1833, 1850, 1857 гг.), «списков городских обывателей Тамбова» (за 1831–1833, 1855 гг.) и делопроизводственная документация различных ведомств².

Информация источников была внесена в специально созданные базы данных (MS ACCESS) [21; 22]. За основу была взята классификация семейных структур, разработанная П. Ласлеттом. Анализ был проведен как применительно к пяти основным семейным типам, так и их подтипам (согласно классификации П. Ласлетта). Динамика соотношения обобщенных типов семей тамбовских обывателей представлена в табл. 1. Такого рода обобщения позволяют нагляднее показать изменения в семейной структуре жителей губернского центра в исследуемый период.

Динамика семей жителей Тамбова в конце XVIII – первой половине XIX века с различным типом внутренней структуры позволяет говорить об отчетливо наблюдавшейся тенденции, которая выражалась в сокращении числа и удельного веса расширенных семей типа 4 (расширенные семьи) и типа 5 (большие составные семьи) (табл. 1). Их доля сократилась с около 52 % в конце XVIII века до около 27 % к середине XIX века.

Заметно уменьшился и суммарный удельный вес жителей губернского центра, проживавших в расширенных и составных семьях (с 73,2 % в 1795 г. до 47,5 % в 1857 г.). Напротив, шел рост численности и удельного веса малых нуклеарных семей (тип 3). Их

² ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф 12. Оп. 1. Ед. хр. 247, 462, 702, 1105, 1416, 1417, 1418, 1419, 1420, 1421, 1422, 1423, 1424, 1425, 1426, 1427, 1428, 1429, 1430, 1800, 1801, 1802, 1803, 1804, 1805, 1847, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 2070, 2071, 2072, 2073, 2074, 2075, 2076, 2077, 2078, 2127; Там же. Ф. 16. Оп. 13. Ед. хр. 14; Оп. 91. Ед. хр. 29.

доля в семейной структуре жителей Тамбова выросла с 28,7 до 46,3 %, а удельный вес проживавших в данном типе семьи обывателей губернского центра увеличился с 22,1 до 42,3 % (табл. 1).

В исследуемый период отмечался рост доли семей, состоявших из одного человека (тип 1). Почти вдвое вырос удельный вес проживавших в данном типе семьи (табл. 1). Высокий удельный вес одиноких, согласно материалам ревизий, был среди дворовых. Так, около 48 % семей представителей этой сословной группы Тамбова состояли из одного человека, что во многом являлось следствием деформирующего воздействия крепостного права на семейные отношения. Незначительным данный показатель был для однодворцев (единичные случаи) и купцов губернского центра (от 3 до 7 %).

На долю семей, состоявших из одного человека, приходилось от 8 до 11 % семей городского населения Тамбовской губернии в первой половине XIX века [23, с. 140]. Заметное преобладание одиноких в составе населения Тамбова относительно других городов губернии, вероятно, связано с его губернским статусом, который, в свою очередь, влиял на состав населения города.

К середине XIX века более чем в два раза (с 2,1 до 4,8 %) вырос удельный вес семей тамбовских обывателей, состоявших из группы родственников или не родственников, которые не образовывали семьи, но вели общее хозяйство (тип 2). Увеличилась и доля

жителей Тамбова, проживавших в подобных семьях (с 1,5 % в 1795 г. до 4,6 % в 1857 г.). В семьях данного типа проживал наименьший процент жителей Тамбова во все анализируемые годы (табл. 1).

Сокращение доли расширенных и рост малых нуклеарных семей и семей, состоявших из одного человека, к середине XIX века наблюдалось в целом для городского населения России, ее отдельных регионов и сословно-социальных групп [2, с. 681-683; 12].

Изменения шли и внутри основных типов семей. Стабильным был удельный вес (менее 0,5 %) во все анализируемые годы семей типа 1.1 (одинокое вдовцы). К середине XIX века выросла доля нескольких типов: 1.2 (одинокое, с неизвестным брачным статусом) – с 16,7 до 21,4 %, 2.1 (несемейные кровные родственники (братья/сестры) – с 1,3 до 2,26 % и 2.2 (другие родственники, жившие вместе) – с 0,8 до 2,53 %.

Изменялось внутреннее соотношение типов малых нуклеарных семей. В 1795 г. на тип 3.1 (супружеская пара без детей) приходилось 4,4 % семей жителей Тамбова, а на тип 3.2 (супружеская пара с детьми) – 18,6 %. В 1857 г. тип семей 3.1 составлял 10,4 %, а на тип 3.2 приходилось около 23 % семей тамбовских обывателей.

Во все анализируемые годы удельный вес семей вдовцов (тип 3.3) с детьми был заметно меньше доли семей вдов с детьми (тип 3.4). Удельный вес первых колебался от 1,3 % в 1795 г. до около 2,2 % в 1857 г. Доля типа

Таблица 1

Типы семейной организации тамбовских обывателей
в конце XVIII – первой половине XIX века (по данным ревизий)

Тип семьи	1795 г.		1833 г.		1857 г.	
	% семей	% людей, проживавших в данном типе семьи	% семей	% людей, проживавших в данном типе семьи	% семей	% людей, проживавших в данном типе семьи
1 (одинокое)	17	3,2	29	7,1	22	5,6
2 (группа родственников или не родственников, которые не образовывали семью, но вели общее хозяйство)	2,1	1,5	4,5	4,4	4,8	4,6
3 (малая нуклеарная семья)	28,7	22,1	45,4	43,1	46,3	42,3
4 (расширенная семья)	20,9	15,7	6,5	10,8	9,4	12,5
5 (большая составная семья)	31,3	57,5	14,6	34,6	17,5	35
Всего, %	100	100	100	100	100	100

Примечание. Посчитано по: ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 247, 1417-1418, 1800, 1801, 1802, 1803, 1804, 1805, 1847, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 2070, 2071, 2072, 2073, 2074, 2075, 2076, 2077, 2078, 2127.

семей 3.4 составляла 4,4 % в 1795 г. и 10,7 % в 1857 г.

Преобладание вдов объясняется несколькими обстоятельствами: во-первых, у мужчин было больше возможностей вступить в повторный брак, во-вторых, мужская смертность в городах была выше женской.

Солдатки в данном исследовании не выделялись для анализа в отдельную группу. Сведения о том, что муж был забран в рекруты, фиксировались в примечаниях. Часть из них проживала в семье свекра (установить этот факт позволяет информация примечаний), часть – в составных семьях братьев мужа, крайне редко – в семьях собственных родителей.

В типе семей 4 (расширенные семьи) основной удельный вес приходился на тип 4.1 (супруги с детьми и вдовыми родителями), доля которых оставалась относительно стабильной на протяжении всего изучаемого периода (около 3 %). От 0,5 до 1 % приходилось на другие подтипы семей данной группы. Только 0,4 % семей тамбовских обывателей относились к типу 4.2 (супруги с детьми и племянниками).

На протяжении всего анализируемого периода основной удельный вес больших составных семей (тип 5) приходился на тип 5.2 (супружеская пара с женатыми и неженатыми детьми и внуками). В 1795 г. в данном типе семей проживало 24 % обывателей Тамбова, а в 1857 г. – 12,2 %.

Наряду с типом семей 4.2, тип 5.3 (супружеские пары с детьми и с женатыми и неженатыми племянниками) был наименее распространенной формой семейной организации жителей Тамбова в конце XVIII – первой половине XIX века (от 0,4 до 0,2 % семей).

Данный показатель может служить дополнительным отражением процесса эволюционирования тамбовской семьи в сторону малой нуклеарной, в том числе за счет сокращения боковых родственных связей.

Однако классификация П. Ласлетта, по мнению исследователей, не исчерпывает всего многообразия типов и форм семейной организации жителей провинциального губернского города в конце XVIII – первой половине XIX века [13].

Подтверждением этому может служить наличие в семейной структуре населения Тамбова семей типа 4.4 (сочетание предыду-

щих сочетаний) (около 3 % тамбовских семей), типа 4.5 (неясные связи) (0,5–0,7 % тамбовских семей) и 5.5 (прочие типы расширенных семей) (от 1 до 2 % тамбовских семей).

Дополнительно был проведен анализ по количеству малых семей в составе дворохозяйств Тамбова. На протяжении исследуемого периода отмечался рост удельного веса семей, состоявших из одной малой семьи. В таком типе семей к середине XIX века проживало большинство жителей Тамбова.

Наблюдалась устойчивая тенденция сокращения семей, состоявших из 3–5 малых семей. Суммарно их удельный вес (по данным ревизий) сократился с 15 % в 1795 г. до 7,5 % в 1857 г. Уменьшилась доля двусоставных семей с 24 % в 1795 г. до около 18 % к 1857 г.

В Тамбове в 1857 г. (согласно первичным материалам ревизии) была зафиксирована лишь одна большая семья, состоявшая из шести малых семей, и одна – из семи. Семья, главой которой был записан семидесятидвулетний вдовый купец 3-й гильдии Петр Гаврилович Аносов, состояла из шести малых семей и включала 25 человек: главу семьи, его вдового пятидесятичетырехлетнего брата Карпа Гавриловича и его пять сыновей (23, 31, 33, 38, 43 лет) с их женами и детьми (6 мальчиков и 7 девочек). Это была одна из самых многолюдных семей Тамбова. В состав семьи тамбовского мещанина Козьмы Степановича Емельянова (67 лет) входили: жена (58 лет), два неженатых сына (37 и 36 лет), две незамужние дочери (24 и 20 лет), две вдовые снохи, трое племянников с их женами и детьми. Кроме того, в семье числились умершие в 1852 г. (в период между ревизиями) сын и брат главы семьи. Всего в семье проживало двадцать человек³.

В уездном городе Моршанске была зафиксирована купеческая семья, которая включала 12 малых семей, а в торгово-промышленном селе Рассказово Тамбовской губернии в первой половине XIX века была выявлена семья государственных крестьян, в которой было зафиксировано 15 малых семей [4, с. 176; 13].

Анализ форм семейной структуры и организации был проведен на основе еще одного массового источника по городскому населению – «списков городских обывателей».

³ ГАТО. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 1898. Л. 26.

Его данные также свидетельствовали о росте удельного веса простых малых семей к середине XIX века и сокращении доли двусоставных семей жителей Тамбова в два раза, а семей, включавших от трех до пяти малых семей, почти в три раза⁴.

Доля одиноких по информации обывательских списков была в два раза выше этих показателей, полученных в результате обработки и анализа первичных материалов ревизий (табл. 1). Очевидно, что эта разница объяснялась тем, что в списки были включены представители сословно-социальных групп, которых не было (и не могло быть) в ревизиях: дворяне, чиновники, военные. На представителей именно этих сословно-социальных групп приходилось около 50 % одиноких по данным обывательских списков Тамбова. Для российского чиновничества этого периода в целом наблюдался высокий удельный вес одиноких. Чиновники, согласно свидетельствам современников, нередко оставались холостяками, а если и вступали в брак, то часто в зрелые годы. Причина такого брачного поведения, по мнению исследователей, была связана с тем, что многие чиновники могли позволить себе создать семью после получения достаточно высокого чина, дававшего определенные финансовые возможности [5].

В то же время нельзя не учитывать, что на точность и достоверность результатов могли оказать влияние и отдельные источниковедческие проблемы. Так, еще современниками отмечались факты «небрежной регистрации» и отсутствия записей о семьях дворян в городских обывательских книгах. Например, в обывательскую книгу Санкт-Петербурга часто «дворянство потомственное и личное записывалось только на основании владения домами, без всяких сведений о семействах», поэтому «сведения о дворянстве не имеют полноты и не дают точного понятия»⁵.

В числе одиноких домовладельцев Тамбова были иностранные подданные («прусской» и «французской нации»), представители мещанства. Доля одиноких представителей купечества как по данным материалов

ревизий, так и по информации списков обывателей была небольшой (менее 0,5 %) ⁶.

Напротив, фактов проживания представителей дворянства и чиновничества в трех-пятичленных семьях выявлено не было. Эти наблюдения подтверждаются исследованиями М.В. Шестакова по дворянству Тамбовской губернии в первой половине XIX века [11].

Около 80 % семей чиновников в городах Тверской губернии в первой половине XIX века были малыми семьями [5]. Структура такой семьи была различной, но более половины малых семей состояли из родителей и детей.

Анализ и учет семей по разным источникам представляет ряд сложностей источниковедческого и методологического характера, которые требуют дополнительного исследования. Вместе с тем сравнение позволило выявить еще ряд расхождений. Так, заметна определенная разница по числу и доле малых семей между данными ревизских сказок и обывательских списков Тамбова. Это объясняется, во-первых, наличием в списках представителей привилегированных сословий, во-вторых, тем, что в данном источнике были учтены реальные семьи, что отличало их от ревизских семей.

Об отличии учетных семей от реальных может свидетельствовать, в частности, дело о переселении однодворцев и ямщиков Тамбова в 1820–1830-е гг. за черту города⁷.

Тамбовская полиция доносила губернатору, что «при выполнении выяснилось, что на некоторых ямских усадьбах есть дома разных ямщиков, не состоящих между собой в родстве, другие, хотя и в родстве состоящие, но разно семейные. Наконец, которые состоят в одной семье и живут на одной усадьбе, имеют разные дома, ибо в одном доме по обширности семейства поместиться не могут, почему и необходимо некоторым из них дать усадьбы». Представители полиции Тамбова направили обращение губернатору, в котором указали, что усадебных мест выселявшимся ямщикам в связи с указанными выше обстоятельствами не хватит. В результате было принято решение об отведении отдельной усадьбы только тем из них,

⁴ ГАТО. Ф. 16. Оп. 13. Ед. хр. 14. Л. 106об.-108.

⁵ Статистические таблицы Российской империи, издаваемые по распоряжению Министерства внутренних дел Статистическим отделом Центрального статистического комитета. Спб., 1863. Вып. 2. С. 155.

⁶ ГАТО. Ф. 16. Оп. 13. Ед. хр. 14. Л. 7об.-8.

⁷ Там же. Оп. 7. Ед. хр. 12. Л. 177-177об.

кто жил отдельно и был показан в ревизских сказках «особым семейством»⁸.

Причины сохранения больших семей были различными. Так, наличие больших составных семей может быть объяснено и «житейскими обстоятельствами». Например, когда молодые в начале жизни оставались жить с родителями. Сохранение многочисленных семей у купцов отчасти было обусловлено принудительными правительственными мерами [24, с. 488-492]. Так, согласно «Высочайшему повелению к приисканию способа к улучшению состояния городов» от 20 ноября 1825 г. № 17 приписанные к семейству братья – купцы 1-й и 2-й гильдий «неотделимы» должны были бы быть. Кроме того, они должны были находиться «в зависимости и под распоряжением старшего брата, на правах приказчиков», а старший брат был обязан отвечать «по данным от него меньшим братьям доверенностям». Принятие таких мер аргументировалось тем, что если каждый из братьев единолично наследует, то и торговать сможет самостоятельно, поскольку «никто не захотел бы торговать под распоряжением одного из своих братьев». Это обстоятельство, по мнению правительства, привело бы к раздроблению капитала, негативно сказывалось бы на торговле и способствовало разорению купечества⁹.

Расширенные семьи часто встречались у тех жителей Тамбова, которые были связаны с торгово-промышленной сферой, а также части обывателей, проживавших на территории «слобод» (Пушкарской, Стрелецкой, Полковой и др.), где занятие земледелием в первой половине XIX века оставалось важнейшим видом деятельности.

На структуру и форму семейной организации жителей губернского центра влияли образ жизни и менталитет. Традиционность, авторитарно-патриархальные отношения были характерны для купеческих и мещанских семей, семей однодворцев и ямщиков, среди членов которых было немало выходцев из крестьян [25].

Для чиновников и дворян были установлены единичные факты проживания в составной семье. Хотя многодетные дворянские семьи встречались. Так, у известного

тамбовского дворянина И.Г. Герасимова, как указывалось в описании его «золотой» свадьбы, было 18 детей. Впрочем, судя по документу, все взрослые члены данного многочисленного семейства жили отдельно¹⁰.

По мнению исследователей, среди дворянства рано утвердилось правило женатым детям жить отдельно от родителей, благодаря чему среди них уже в XVIII веке господствовала малая семья. Это объяснялось сначала обязательностью (до 1762 г.), а затем необходимостью государственной службы для всех совершеннолетних мужчин [2, с. 720-721].

Проведенный М.В. Шестаковым анализ семей дворян Тамбовской губернии (в том числе и проживавших в губернском городе) свидетельствовал о том, что внутрисемейные отношения как в составных, так и в малых дворянских семьях строились преимущественно на традиционно-патриархальных принципах [11].

В земледельческих селах Тамбовской губернии до середины XIX века доминировали дворохозяйства, состоявшие из двух–трех малых семей, включавших три–четыре поколения [20]. В отличие от сельских населенных пунктов в Тамбове преобладающей формой жизни для большинства обывателей Тамбова становится простая малая семья. Основной удельный вес приходился на семьи, в состав которых входили представители одного–двух поколений.

Сходные с крестьянскими семьями были данные по семейной структуре однодворцев Тамбова – около 60 % семей представителей этой сословной группы включало в себя от двух до четырех малых семей.

Структура семьи была тесно связана с людностью, но не всегда первое обуславливало второе.

С конца XVIII к середине XIX века шло сокращение удельного веса семей, состоявших более чем из 11 человек. Суммарно доля таких семей жителей Тамбова уменьшилась с 11,6 % в 1795 г. до 3 % к 1857 г., то есть более чем в три раза.

Максимально установленное число членов в тамбовской семье составляло 27 человек (данные за 1857 г.). Это была семья тамбовского купца 3-й гильдии Ильи Павловича Федотова. Она включала четыре малые се-

⁸ ГАТО. Ф. 16. Оп. 7. Ед. хр. 12. Л. 178.

⁹ РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1286. Оп. 3-182. Ед. хр. 79. Л. 35.

¹⁰ Патриархальная или Золотая свадьба. Тамбов: [б. и.], 1864. С. 1-2, 6.

мьи: семью самого Ильи Павловича и семьи трех его женатых братьев с их женами и детьми (16 детей на 4 семьи)¹¹.

Средний размер семьи жителей Тамбова (по данным ревизий) сократился с 6 человек в 1795 г. до 4,1 человека к 1833 г. и до 3,2 к 1850 г. Некоторое увеличение показателя людности до 4,2 человека произошло к 1857 г.

В 1857 г. по результатам специально проведенных исследований был отмечен рост коэффициентов брачности и рождаемости для населения губернского центра. Одними из факторов, оказавшим влияние на эти показатели, стали окончание Крымской войны (1853–1856 гг.) и возвращение домой солдат. Эти данные подтверждаются первичными материалами метрических книг Тамбова, зафиксировавших сословно-социальную принадлежность брачующихся [26].

Данные, полученные в результате анализа списков обывателей Тамбова, свидетельствовали о сокращении среднего размера семей домовладельцев губернского центра с 3,6 человека в 1831–1833 гг. до 2,6 человека в 1855 г.

Для сравнения отметим, что в селах Тамбовской губернии Байловка, Калугино и Малые Пупки средний размер крестьянской семьи в 1816 г. составил 7,6; 8,9 и 8,3 человека соответственно, а в 1834 г. – 7,3; 11,3 и 15 человек. В среднем семья крестьян Тамбовской губернии включала 9 человек [20].

С конца XVIII к началу XIX века средний размер городской семьи в России в зависимости от типа города (аграрный или индустриальный) и сословия уменьшился с 6,2 до 4,2 человека [2, с. 683].

Таким образом, по показателю людности семьи обывателей Тамбова явно отличались от семей жителей сельских населенных пунктов и соответствовали данным, характерным для городского населения России в первой половине XIX века.

В конце XVIII – начале XIX века наиболее многолюдными были семьи купцов, однодворцев и мещан Тамбова, а наименее – семьи чиновников, дворян (от 2,4 до 2,6 человека), представителей духовенства (4,7 человека) и дворовых (около 3 человек).

На протяжении всего анализируемого периода шло сокращение среднего размера семьи практически для всех сословно-со-

циальных групп населения Тамбова. Так, размер купеческой семьи (по данным ревизий) сократился с 7,4 человека в 1795 г. до 6,9 человека в 1857 г., мещанской – с 5,5 человека в 1795 г. до 4 человек в 1833 г. и до 2,5 человека в 1850 г. По данным за 1857 г. средний размер мещанской семьи губернского центра снова вырос до 3,9 человека.

Шло сокращение людности мещанских семей уездного города Моршанска (с 4,8 человека в 1816 г. до 3,4 человека в 1850 г.). Средний размер моршанской купеческой семьи вырос с 9,7 человека в 1833 г. до 10,4 человека в 1850 г. [4, с. 175].

К крестьянской семье по показателю людности были близки семьи однодворцев и ямщиков Тамбова, уклад жизни которых по свидетельству современников был схож с крестьянским¹².

Анализ семей тамбовских обывателей был проведен не только по вертикали (совместное проживание нескольких поколений семьи), но и по горизонтали (наличие в составе семьи представителей боковых линий родственников – братьев, сестер, тещ, племянников и др.). Большая семья предполагала разветвленную систему родства и свойства. Изучение вопросов семейного положения по отношению к главе семьи позволило проиллюстрировать степень разветвленности семей Тамбова в конце XVIII – первой половине XIX века.

Дети (первое поколение прямого кровного родства) составляли около трети всех проживавших в семьях тамбовских обывателей во все анализируемые годы (от 33 до 36,3 %). Второе место по удельному весу приходилось на жен (от 11 до 13 %). Доля родных братьев и сестер колебалась от 9,1 до 7,8 %. Внуки составляли от 9 до 5 %, снохи и невестки – от 5,3 до 7,5 %, племянники и племянницы – от 4 до 5,7 % и, наконец, родители главы семьи – от 3,3 до 3,8 %.

Распределение тамбовских обывателей по возрастам демонстрировало преобладание молодежи. Дети, племянники, внуки составляли (в больших и малых семьях) около 50 % членов семей. Доля старших поколений составляла от 3 до 5 % (матери, отцы, деды). 15–25 % приходилось на представителей среднего, родительского поколения (главы семей, их братья, сестры, жены).

¹¹ ГАТО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2073. Л. 89.

¹² ГАТО. Ф. 16. Оп. 7. Д. 12. Л. 185-185об.

На братьев, сестер, племянников приходилось около 15–20 % членов семей тамбовских обывателей. Горизонтальное расширение семей за счет указанных категорий родственников в крестьянских семьях сел и деревень губернии было выше и составляло от 25 до 30 % [20].

Немногочисленными были случаи проживания в семьях свекрови, тетки, дяди, двоюродных племянников, двоюродных братьев и сестер и др. Встречались члены семьи со статусом «подкидыш» и «приемыш».

Проведенный анализ, с одной стороны, свидетельствовал о наличии разветвленной системы родства и свойства семей жителей Тамбова, который был характерен для традиционного общества, а с другой – позволяет отметить тенденции эволюционирования семей обывателей губернского центра в сторону малой нуклеарной семьи, выразившиеся в сокращении доли боковых родственников, проживавших в одной семье.

В конце XVIII – первой половине XIX века шло сокращение удельного веса детей (мальчиков и девочек моложе 16 лет) как в составе больших, так и малых семей жителей Тамбова. Росла доля бездетных семей. Так, в конце XVIII века семьи, в которых не числились дети, составляли около 7–8 %, а в 1857 г. – около 16 % семей жителей Тамбова. Однако полученные результаты требуют дополнительной проверки. В торгово-промышленном селе Тамбовской губернии Рассказово удельный вес подобных семей составлял 1,6 % в 1810 г. и 10,6 % в 1830-е гг. [13]. Более высокие показатели для Тамбова, очевидно, были связаны с наличием в социальной структуре города таких социально-словных групп, как дворянство, чиновничество, военные.

На одну семью тамбовских обывателей с учетом бездетных семей приходилось в 1795 г. 2,8 ребенка (с учетом умерших между ревизиями 2,9) и 1,5 в 1857 г. (с учетом умерших между ревизиями 1,6 %).

На одну семью уездного города Моршанска приходилось 3,4 ребенка по данным за 1810 г. и 2,1 ребенка в 1830 г. [4]. В семьях торгово-промышленного села Рассказово Тамбовской губернии эти показатели были выше и составляли 5,2 и 4,9 ребенка на семью по информации за 1810 и 1830 гг. соответственно [13].

В зависимости от сословия в первой половине XIX века количество детей в семьях тамбовских обывателей распределялось следующим образом: в среднем на одну брачную пару купцов – жителей губернского центра приходилось четыре ребенка, духовенства – 3–4 ребенка, на брачную пару дворян и чиновников – 1–2 ребенка. В дворянских и чиновничьих семьях взрослые дети редко проживали совместно с родителями, о чем уже шла речь выше.

В конце XVIII века в Тамбовской губернии на одну дворянскую семью приходилось в среднем 2,84 ребенка [11]. Преобладание малых семей, состоявших из бездетных супружеских пар или пар с одним или двумя несовершеннолетними детьми, отмечалось и для семей чиновников городов Тверской губернии в первой половине XIX века [5].

Таким образом, проведенный анализ семей жителей Тамбова в конце XVIII – первой половине XIX века подтверждает вывод исследователей о том, что в городах России этого периода преобладающей формой семейной жизни для большинства собственно городского населения стала малая семья. Удельный вес больших семей с конца XVIII к середине XIX века заметно сократился. Так, если в 1795 г. основной удельный вес семей населения Тамбова приходился на большие составные семьи (тип 5), а суммарно именно в расширенных и больших составных семьях проживало подавляющее число обывателей Тамбова, то к 1857 г. это соотношение изменилось в пользу малой нуклеарной семьи. Именно данный тип семьи стал преобладающей формой семейной организации населения губернского центра (табл. 1). Наблюдалась тенденция эволюционирования семьи тамбовских обывателей к семье европейского типа (современного типа), европейской демографической модели. Росла доля одиноких, незамужних и холостых жителей Тамбова. На последнее обстоятельство, очевидно, не мог не оказать влияние процесс повышения брачного возраста в России в целом и в городах в частности.

Однако переход от патриархальной к малой семье, от патриархальных к демократическим семейным отношениям протекал сложно. Так, несмотря на заметное сокращение числа и удельного веса больших и расширенных семей, суммарная доля прожи-

вавших в них (тип 4 и тип 5) жителей Тамбова к середине XIX века по-прежнему оставалась значительной и составляла около 48 % (табл. 1). Большие патриархальные семьи были у представителей разных сословий. Даже среди городской элиты брачно-семейные отношения сохраняли многочисленные черты традиционного семейного порядка. Экономической основой части таких семей были занятия, которые требовали сосредоточения в одних руках управления, финансово-материальных ценностей и ресурсов для успешного ведения дел. Традиционно-патриархальные отношения сохранялись в силу специфических экономических и мировоззренческих особенностей представителей разных социально-сословных групп горожан. Степень модернизационных процессов, в том числе затрагивавших семейную структуру и семейные отношения в различных слоях населения Тамбова, зависела от силы приверженности их традиций, социально-экономического положения, профессиональных занятий и др.

На сохранение традиционного уклада оказывали определенное влияние и принудительные правительственные меры. Сохранение патриархальных брачно-семейных отношений было обусловлено и прагматическими причинами: наличием или отсутствием необходимых материальных возможностей, ведением общего дела (торговля, ремесло) и др. Полученные результаты еще раз подчеркивают ценность микродемографических исследований.

Список литературы

1. *Араловец Н.А.* Городская семья в России в 1897–1926 гг. М., 2003. 232 с.
2. *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. Т. 1. 896 с.
3. *Histoire de la famille: en 2 vols. / sous la dir. de J. Goody.* Paris: Armand Colin, 1986. Vol. 1. 640 p.; Vol. 2. 560 p.
4. *Акользина М.К.* Моршанск – хлебный порт России (середина конца XVIII – середина XIX). Тамбов, 2011. 208 с.
5. *Бодрова Ю.В.* Семья провинциального чиновника первой половины XIX века (на материалах Тверской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 2009.
6. *Гончаров Ю.М.* Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 384 с.
7. *Гончаров Ю.М.* Социальное развитие семьи в России в XVIII – начале XX века // *Семья в ракурсе социального знания: сб. науч. ст.* Барнаул, 2001. С. 25-40.
8. *Ларичев А.А.* Крестьянская семья в истории освоения и развития Среднего Поволжья (XVIII – первая треть XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2004.
9. *Мельников П.Ю.* О структуре крестьянской семьи в России XVII–XIX веков: проблема классификации и терминологии в исследованиях советского периода // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения.* 2017. Т. 17. Вып. 2. С. 163-166.
10. *Миронов Б.Н.* Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. М.: Наука, 1990. 271 с.
11. *Шестаков М.В.* Российское провинциальное дворянство в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. (на материалах Тамбовской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2006.
12. *Щеглов С.Г., Меженина О.В.* Структура семьи в мещанском сословии в городах Томской губернии в первой половине XIX в. // *Известия Алтайского университета.* 2016. № 2 (90). С. 176-180.
13. *Морозова Э.А.* Особенности социально-демографического облика торгово-промышленного села в первой половине XIX в. (на примере села Рассказово Тамбовской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003.
14. *Борисенко М.В.* Семья и двор русских крестьян Западной Сибири в конце XVI – середины XIX в. СПб., 1998. 172 с.
15. *Волков А.Г.* Семья – объект демографии. М., 1986. 271 с.
16. *Household and Family in Past Time: Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America / ed. by P. Laslett, R. Wall.* Cambridge: Cambridge University Press, 1972. P. 31.2.
17. *Ласлетт П.* Семья и домохозяйство: исторический подход // *Брачность, рождаемость, семья за три века: сб. ст.* М., 1979. С. 132-157.
18. *Хок С.Л.* Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии. М., 1993. 184 с.
19. *Антонов Д.Н., Антонова И.А.* Восстановление истории семей и компьютер // *Компьютер и историческая демография.* Барнаул, 2000. С. 107-136.
20. *Кончаков Р.Б.* Демографическое поведение крестьянства Тамбовской губернии в XIX – начале XX в. Новые методы исследования: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2001.

21. *Стрекалова Н.В.* К проблеме использования информационных методов и технологии в исследованиях провинциальной городской семьи конца XVIII – начала XX в. // *Цифровая гуманитаристика: ресурсы, методы, исследования: материалы Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Пермь, 2017. Ч. 2. С. 114-117.*
22. *Стрекалова Н.В., Стрекалов Д.В.* Источники для изучения социально-демографических процессов в российском провинциальном городе в конце XVIII – первой половине XIX в.: проблемы, возможности, перспективы // *Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города: сб. науч. ст. Всерос. конф. с междунар. участием. Сургут: СурГУ, 2015. С. 265-279.*
23. *Акользина М.К., Канищев В.В.* Влияние традиций аграрного общества на структуру городской семьи Тамбовской губернии в XIX – начале XX // *Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв.: материалы Междунар. конф. / отв. ред. В.В. Канищев. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. С. 134-141.*
24. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Ростов н/Д., 1995. 640 с.
25. *Лямин С.К.* Менталитет населения прединдустриального города 1860–1870-х гг. (по материалам Тамбова): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003.
26. *Стрекалов Д.В.* Проблемы брачности городских обывателей в конце XVIII – первой половине XIX в. (по материалам Тамбова) // *Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2009. Вып. 8 (76). С. 314-318.*

Поступила в редакцию 15.09.2017 г.

Отрецензирована 27.10.2017 г.

Принята в печать 23.01.2018 г.

Конфликт интересов отсутствует.

Информация об авторе

Стрекалов Дмитрий Валерьевич, кандидат исторических наук, сотрудник кафедры всеобщей и российской истории. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: strekalovdv@gmail.com

Стрекалова Наталья Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей и российской истории. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: strekalovanv@mail.ru

Для корреспонденции: Стрекалова Н.В., e-mail: strekalovanv@mail.ru

Для цитирования

Стрекалов Д.В., Стрекалова Н.В. Структура и типология провинциальной городской семьи в конце XVIII – первой половине XIX века (на материалах Тамбова) // *Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23, № 172. С. 119-130. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-119-130.*

DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-119-130

STRUCTURE AND TYPOLOGY OF A PROVINCIAL URBAN FAMILY AT THE END OF THE 18th – THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY (on materials of Tambov)

Dmitriy Valeryevich STREKALOV, Nataliya Valyerevna STREKALOVA

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

E-mail: strekalovanv@mail.ru

Abstract. The problems of structure and typology of families of Tambov residents at the end of the 18th – the first half of the 19th century are investigated. All the types of family organization of inhabitants of the provincial center (the standard classification in modern historical and demographic researches is taken as a basis), number of generations in family, family relations, degree of branching of family structure (existence of sidelines of relationship), marital status and the age of family members of Tambov residents are analyzed. To study the families of Tambov residents mass-personified sources were taken. This information was used to make electronic databases. The

families of citizens were studied along with the general analysis of urban family in relation with specific social groups. This analysis responds to the demands of microhistorical research. The great differences in the modernization of family structure and the matrimonial relations of different social groups were observed. They were caused by economic, social and professional and world outlook of their representatives. To the middle of the 19th century a small family becomes the prevailing form of the family organization of Tambov population. However, the process of transition was difficult. The expanded and big compound families remained in which more than 40 % of Tambov population lived to the middle of the 19th century.

Keywords: city; family; typology; urban population; Tambov

References

1. Aralovets N.A. *Gorodskaya sem'ya v Rossii v 1897–1926 gg.* [Urban Family in Russia in 1897–1926]. Moscow, 2003, 232 p. (In Russian).
2. Mironov B.N. *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3 t.* [Russian Empire: from Tradition to Modern: in 3 vols.]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2014, vol. 1, 896 p. (In Russian).
3. Goody J. (ed.). *Histoire de la Famille: en 2 vols.* Paris, Armand Colin Publ., 1986, vol. 1, 640 p., vol. 2, 560 p. (In French).
4. Akolizina M.K. *Morshansk – khlebnny port Rossii (seredina kontsa XVIII – seredina XIX)* [Morshansk is the Grain Port of Russia (mid-late 18th – mid-19th)]. Tambov, 2011, 208 p. (In Russian).
5. Bodrova Y.V. *Sem'ya provintsial'nogo chinovnika pervoy poloviny XIX veka (na materialakh Tverskoy gubernii): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Family of Provincial Civil Servant of the First Half of the 19th Century (on the Materials of the Tver Governorate). Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Tver, 2009. (In Russian).
6. Goncharov Y.M. *Gorodskaya sem'ya Sibiri vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* [Urban Family of Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century]. Barnaul, Publishing House of the Altai University, 2002, 384 p. (In Russian).
7. Goncharov Y.M. *Sotsial'noye razvitiye sem'i v Rossii v XVIII – nachale XX veka* [Social development of the family in Russia in the 18th – early 20th century]. *Sem'ya v raketse sotsial'nogo znaniya* [Family in the Perspective of Social Knowledge]. Barnaul, 2001, pp. 25-40. (In Russian).
8. Larichev A.A. *Krest'yanskaya sem'ya v istorii osvoeniya i razvitiya Srednego Povolzh'ya (XVIII – pervaya tret' XX v.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Peasant Family in the History of Reclamation and Development of Middle Volga (18 – the First Third of the 20th Century). Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Samara, 2004. (In Russian).
9. Melnikov P.Y. *O strukture krest'yanskoy sem'i v Rossii XVII–XIX vekov: problema klassifikatsii i terminologii v issledovaniyakh sovetskogo perioda* [On the structure of a Russian peasant family in the 17–19 centuries: the problem of classification and terminology in the Soviet period studies]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations*, 2017, vol. 17, no. 2, pp. 163-166. (In Russian).
10. Mironov B.N. *Russkiy gorod v 1740–1860-e gody: demograficheskoe, sotsial'noe i ekonomicheskoe razvitiye* [The Russian City in the 1740–1860s: Demographic, Social and Economic Development]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 271 p. (In Russian).
11. Shestakov M.V. *Rossiyskoye provintsial'noye dvoryanstvo v posledney chetverti XVIII – pervoy polovine XIX v. (na materialakh Tambovskoy gubernii): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Russian Provincial Nobility in the Last Quarter of the 18th – First Half of the 19th Centuries (on the Materials of the Tambov Governorate). Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Tambov, 2006. (In Russian).
12. Shcheglov S.G., Mezhenina O.V. *Struktura sem'i v meshchanskom soslovii v gorodakh Tomskoy gubernii v pervoy polovine XIX v.* [The structure of the family in the middle class in the cities of Tomsk Governorate in the first half of the 19th century]. *Izvestiya Altayskogo universiteta – News of the Altai University*, 2016, no. 2 (90), pp. 176-180. (In Russian).
13. Morozova E.A. *Osobennosti sotsial'no-demograficheskogo oblika torgovo-promyshlennogo sela v pervoy polovine XIX v. (na primere sela Rasskazovo Tambovskoy gubernii): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Features of the Socio-Demographic Appearance of the Commercial and Industrial Village in the First Half of the 19th Century (on the Example of the Village of Rasskazovo of the Tambov Governorate). Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Tambov, 2003. (In Russian).
14. Borisenko M.V. *Sem'ya i dvor russkikh krest'yan Zapadnoy Sibiri v kontse XVI – serediny XIX v.* [Family and Homestead of Russian Peasants of Western Siberia in the End of 16th – mid-19th]. St. Petersburg, 1998, 172 p. (In Russian).
15. Volkov A.G. *Sem'ya – obekt demografii* [Family is a Demography Object]. Moscow, 1986, 271 p. (In Russian).
16. Laslett P., Wall R. (eds.). *Household and Family in Past Time: Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America*. Cambridge, Cambridge University Press, 1972, p. 31.2.
17. Laslett P. *Sem'ya i domokhozyaystvo: istoricheskiy podkhod* [Family and household: historical approach]. *Brachnost', rozhdayemost', sem'ya za tri veka* [Marriage, Birth Rate, Family for Three Centuries]. Moscow, 1979, pp. 132-157. (In Russian).
18. Hoch S.L. *Krepostnoe pravo i sotsial'nyy kontrol' v Rossii: Petrovskoe, selo Tambovskoy gubernii* [Serfdom and Social Control in Russia: Petrovskoe, Village of the Tambov Governorate]. Moscow, 1993, 184 p. (In Russian).

19. Antonov D.N., Antonova I.A. Vosstanovlenie istorii semey i komp'yuter [Family history reconstruction and computer]. *Komp'yuter i istoricheskaya demografiya* [Computer and Historical Demography]. Barnaul, 2000, pp. 107-136. (In Russian).
20. Konchakov R.B. *Demograficheskoye povedeniye krest'yanstva Tambovskoy gubernii v XIX – nachale XX v. Novyye metody issledovaniya: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Demographic Behavior of the Peasantry of the Tambov Governorate in the 19th – Early 20th Century. New Methods of Research. Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Tambov, 2001. (In Russian).
21. Strekalova N.V. K probleme ispol'zovaniya metodov i tekhnologiy v issledovaniyakh provintsial'noy gorodskoy sem'i kontsa XVIII – nachala XX v. [To the problem of using information methods and technology in the studies of the provincial urban family of the late 18th and early 20th centuries]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Tsifrovaya gumanitaristika: resursy, metody, issledovaniya»* [Proceedings of the International Scientific Conference “Digital Humanities: Resources, Methods, Research”]. Perm, 2017, part 2, pp. 114-117. (In Russian).
22. Strekalova N.V., Strekalov D.V. Istochniki dlya izucheniya sotsial'no-demograficheskikh protsessov v rossiyskom provintsial'nom gorode v kontse XVIII – pervoy polovine XIX v.: problemy, vozmozhnosti, perspektivy [Sources for the study of socio-demographic processes in the Russian provincial city in the late 18th – first half of the 19th century: problems, opportunities, prospects]. *Sbornik nauchnykh statey Vserossiyskoy konferentsii s Mezhdunarodnym uchastiem «Istoricheskaya urbanistika: proshloye i nastoyashcheye goroda»* [Digest of Scientific Articles of the All-Russian Conference with International Participation “Historical Urbanistics: the Past and Present of the City”]. Surgut, Surgut State University, 2015, pp. 265-279. (In Russian).
23. Akolzina M.K., Kanishchev V.V. Vliyanie traditsiy agrarnogo obshchestva na strukturu gorodskoy sem'i Tambovskoy gubernii v XIX – nachale XX [Influence of the agrarian society traditions on the urban family structure of the Tambov Governorate in the 19th – early 20th century]. *Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii «Sotsial'naya istoriya rossiyskoy provintsii v kontekste modernizatsii agrarnogo obshchestva v XVIII–XX vv.»* [Proceedings of International Scientific Conference “Social History of the Russian Province in the Context of the Agrarian Society Modernization in the 18–20 Centuries”]. Tambov, Tambov State University named after G.R. Derzhavin Publ., 2002, pp. 134-141. (In Russian).
24. Vladimirskiy-Budanov M.F. *Obzor istorii russkogo prava* [Review of the Russian Law History]. Rostov-on-Don, 1995, 640 p. (In Russian).
25. Lyamin S.K. *Mentalitet naseleniya predindustrial'nogo goroda 1860–1870-kh gg. (po materialam Tambova): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Mentality of the Preindustrial City Population of 1860–1870s (on Materials of Tambov). Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Tambov, 2003. (In Russian).
26. Strekalov D.V. Problemy brachnosti gorodskikh obyvateley v kontse XVIII – pervoy polovine XIX v. (po materialam Tambova) [Problems of marriage of urban inhabitants in the late 18th – first half of the 19th centuries (based on the materials of Tambov)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series Humanities*, 2009, no. 8 (76), pp. 314-318. (In Russian).

ACKNOWLEDGEMENTS: The paper is prepared under financial support of Russian Foundation for Basic Research (Humanities and Social Sciences Department of Russian Foundation for Basic Research) “Urban family and the processes of social modernization of provincial Russian town at the end of 18th – the beginning of 20th century: the portrait at the background of the epoch (basing on the materials of Tambov)” no. 17-11-68006 a(p).

Received 15 September 2017

Reviewed 27 October 2017

Accepted for press 23 January 2018

There is no conflict of interests.

Information about the author

Strekalov Dmitriy Valyerevich, Candidate of History, Coworker of General and Russian History Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: strekalovdv@gmail.com

Strekalova Nataliya Valyerevna, Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of General and Russian History Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: strekalovanv@mail.ru

For correspondence: Strekalova N.V., e-mail: strekalovanv@mail.ru

For citation

Strekalov D.V., Strekalova N.V. Struktura i tipologiya provintsial'noy gorodskoy sem'i v kontse XVIII – pervoy polovine XIX veka (na materialakh Tambova) [Structure and typology of a provincial urban family at the end of the 18th – the first half of the 19th century (on materials of Tambov)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2018, vol. 23, no. 172, pp. 119-130. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-172-119-130. (In Russian, Abstr. in Engl.).